

—

Едва услышав слова управляющего, Шан Вэньчэн еще больше утвердился в мысли, что семья Ян просто презирает его. Он решил, что они силой удерживают Чэнь-гера и выдают его за другого против воли. В тот же миг его взгляд стал непоколебимым — он выглядел как герой, собравшийся вызволять возлюбленного из огня и воды.

Шан Вэньчэн попытался эффектно встряхнуть рукавами, но, не в силах вырваться из рук двух дюжих слуг, лишь одарил их презрительным взглядом и снова закричал:

— Чэнь-гер, я знаю, что ты идешь на это не по своей воле! Выходи, я заберу тебя! Я готов жениться на тебе! Скоро я стану сюэем, и тогда никто не посмеет нам помешать!

Управляющий Ян едва не задохнулся от возмущения. Отбросив церемонии, он махнул рукой слугам:

— Заткните ему рот! Если он посмеет еще хоть словом очернить доброе имя нашего молодого господина, семья Ян церемониться не станет!

Шан Вэньчэн, будучи хилым книжником, не мог противостоять двум здоровякам. Ему мгновенно зажали рот, и всё, что он мог — это издавать нечленораздельное мычание, тщетно пытаясь продолжить свою речь.

Управляющий Ян прекрасно понимал: если не прояснить ситуацию прямо сейчас, то уже к вечеру весь городок Сыфан будет потешаться над семьей Ян. Поэтому он не велел слугам утаскивать Шан Вэньчэна, а громко обратился к толпе:

— Почтенные соседи, послушайте меня! Этот человек и раньше ошивался возле нашего поместья. Разумеется, дорога общая, и мы его не гнали. Но кто же знал, что сегодня он явится сюда, чтобы сорвать свадьбу нашего молодого господина! Я вижу здесь злой умысел, готовившийся заранее...

Шэнь Хуайчжи не стал вслушиваться в дальнейшие оправдания управляющего. Он пристально смотрел на Шан Вэньчэна. В тот день, когда семья Шан приходила расторгать помолвку, Хуайчжи не было в школе, и он не знал подробностей. Позже, боясь расстроить Линь Юэ, он никогда об этом не спрашивал. Но сегодня, услышав всё своими ушами, он понял: этот человек решил, что поймал удачу за хвост и приглянулся богачам, и именно поэтому так низко поступил с семьей Линь.

Шэнь Хуайчжи никогда не злословил за спиной, но сегодня не удержался и в мыслях дважды обругал соученика: «Позор для звания ученого!»

Книжная лавка находилась по диагонали от поместья Ян, и с того места, где стоял Хуайчжи, всё было видно как на ладони. Рассудив, что до общего сбора еще есть время, он решил досмотреть сцену до конца, чтобы вечером пересказать всё Линь Юэ.

В усадьбе Ян сегодня праздновали свадьбу их единственного сына, поэтому там было необычайно оживленно: ворота распахнуты с рассвета, гости прибывали один за другим. Шум, поднятый Шан Вэньчэном, привлек массу народа, и вскоре вся улица перед домом была забита любопытными.

Слушая объяснения управляющего, толпа зашумела.

— Этот парень ни одеждой, ни повадками не блещет. Неужто и впрямь решил примазаться к чужому богатству?

— У господина Яна ведь только один сын. Старик давно объявил, что ищет зятя, который бы вошел в их дом и помог сыну управлять делами. Немудрено, что находятся такие охотники до чужого добра.

Большинство зевак решило, что Шан Вэньчэн просто позарился на приданое. Однако нашлись и те, кто недолюбливал богачей. Они начали язвить:

— А может, это сам Ян-гер вел себя нескромно? Посмотрите, парень-то видный, черты лица правильные. Ничего удивительного, если гер на него засмотрелся.

— И то правда. Парень уже туншэн, почему бы молодому господину Яну и не увлечься им? А старик Ян — человек тертый, вот и не одобрил выбор сына.

— А не ветреный ли этот молодой господин, а? Ха-ха-ха...

Разговоры становились всё грязнее, пока одна женщина не выдержала:

— Тьфу на вас! Как язык-то поворачивается такое нести? Молодой господин Ян сам управляет несколькими лавками, за день столько народу видит! Он не то что туншэнов, он сюцаев повидал немало. С чего бы ему на этого-то зариться?

— Да ну вас, — возразил кто-то. — А вдруг сердце ёкнуло?

— Замолчи уж! Ян-гер сегодня берет в мужья сюцаю, который и лицом куда краше этого оборванца. С какой стати ему менять красавца на уродца? Или у тебя самого такой вкус специфический?

— ...

Эта острая на язык женщина заставила сквернословов покраснеть от стыда. Не решаясь больше спорить, один из них лишь хмыкнул:

— Не я один так думаю. После сегодняшнего весь город судачить будет. Разве что сам Ян-гер выйдет сейчас и всё объяснит в лицо, тогда хоть какая-то вера будет.

— Да где это видано, чтобы гер в день своей свадьбы на людях показывался? Если этот книжник пришел скандалить, при чем тут гер? Я думаю...

Договорить ей не дали — раздался громкий возглас:

— Смотрите, Ян-гер вышел!

Ян Сичэнь, облаченный в огненно-красные свадебные одежды, вышел без веера, но лицо его прикрывала тонкая вуаль, оставляя открытыми лишь глаза феникса. Он медленно подошел к дверям, даже не взглянув на Шан Вэньчэна. Обведя взглядом толпу, он низко поклонился:

— Прошу почтенную публику стать свидетелями. Из-за дел семьи я часто бываю в разъездах, поэтому случалось мне видеть этого человека, что сегодня поднял шум. Однако я никогда не перемолвился с ним и словом, а уж тем более не обещал выйти за него замуж. Он же по

непонятной причине явился сюда и преследует меня. Сегодня мое имя было очернено. Если бы не мой суженый, боюсь, свадьба могла бы и расстроиться.

Следом за ним вышли управляющий из лавки семьи Ян и несколько помощников. Все они дали показания, уточнив время и место, подтвердив, что их молодой господин лишь проходил мимо этого человека, не вступая в разговор.

Видя достойное и открытое поведение Ян Сичэня, толпа быстро переметнулась на его сторону. В этот момент слуги отпустили Шан Вэньчэна. Едва глоток воздуха коснулся его легких, он закричал:

— Неправда! Ты лжешь! Ты тогда явно подал мне знак глазами!

После этих слов даже те, кто сочувствовал Шан Вэньчэну, замолчали. Оказалось, парень просто возмнил невесть что. Тьфу, зря только время на него тратили.

Глядя на Ян Сичэня в свадебном наряде, женщины и фуланы в толпе прониклись сочувствием. Кто-то крикнул:

— Молодой господин Ян, не волнуйся! Мы теперь знаем правду, и никто не станет разносить про тебя дурные слухи!

А рослые мужчины забасили еще громче:

— Будь спокоен, гер! Если мы еще раз услышим от этого типа хоть слово вранья, мы его проучим так, что мало не покажется!

Ян Сичэнь поблагодарил каждого. Он подал знак слуге и звучно произнес:

— Спасибо вам. Сегодня моя свадьба. Прошу дядюшек, тётушек, братьев и сестер угоститься свадебными конфетами, чтобы отпугнуть несчастье.

Как только он замолчал, слуги начали пригоршнями разбрасывать в толпу сладости и мелкие монеты, завернутые в красную бумагу.

— Поздравляем с законным браком, молодой господин! Ха-ха!

— Эй, не хватай моё! Сам подбирай!

Шэнь Хуайчжи стоял так удачно, что ему даже не пришлось двигаться — он просто протянул руку и поймал несколько конфет и две монетки. Он издали поклонился семье Ян и спрятал находку за пазуху.

«Вечером приду домой, расскажу Линь Юэ и дам ему попробовать. Сяо Юэ должно понравиться», — подумал он.

Лавочник Лю тоже любил поглазеть на зрелища. Помахивая веером, он стоял рядом с Хуайчжи, развернул одну конфету и, отправив её в рот, подмигнул:

— Книжник Шэнь, а вы что же не едите? Неужто фулану своему несете?

Шэнь Хуайчжи на мгновение замер, а затем совершенно серьезно кивнул:

— Именно так.

Его невозмутимый вид сбил господина Лю с толку, и тот перестал подшучивать.

— Ха-ха, как нежно вы относитесь друг к другу! Пожалуй, и мне стоит взять одну для своей старухи. Будем брать пример с молодежи.

Шэнь Хуайчжи не знал, что на это ответить, поэтому лишь улыбнулся и, перекинувшись еще парой слов, попрощался с лавочником.

Когда Шэнь Хуайчжи вернулся к воротам городка, старосты уже пересчитывали людей и обсуждали отъезд. Увидев его, Шэнь Гуанчу повернулся к остальным:

— От деревни Линьшуй все в сборе.

— Погодите еще минуту, у нас двое ушли в город и пока не вернулись.

— От деревни Юйшуй тоже все на месте.

...

Спустя одну чашку чая* обоз тронулся. Шэнь Хуайчжи шел впереди вместе с двумя другими молодыми людьми. В центре ехали воловьи и ослиные повозки, нагруженные тюками ткани, по бокам шли старосты, а замыкали шествие крепкие парни.

[*Фраза «一盞茶時間» (время одной чашки чая) — это традиционное китайское образное обозначение промежутка времени, которое обычно приравнивается к 10–15 минутам.]

Несмотря на то, что в пути они почти не останавливались, к уездной управе они прибыли лишь после полудня. Сдача налога и пересчет заняли еще немало времени.

*

Дело шло к закату. На деревню опустились сумерки.

Семья Шэнь уже поужинала и отдыхала во дворе, наслаждаясь вечерней прохладой. Сун Сюньчунь вышла с заднего двора с глиняной миской в руках.

— Юэ-гер, Лин-гер, будете абрикосы? Еще мушмула есть.

Линь Юэ вскочил первым:

— Буду! — Он уже потянул руку к миске, но Сун Сюньчунь его притормозила.

— Подожди, милый. Дай матушка сначала их вымоет, а потом принесет.

Линь Юэ сладко улыбнулся:

— Спасибо, матушка! Вы хотите пить? Я налью воды.

Шэнь Линчжи тоже подбежал:

— Мама, давай я помою, а ты присядь.

Сун Сюньчунь отстранилась:

— Не суетись. Весь день работал, не устал что ли? Сиди уж.

Сидя вчетвером во дворе, они невольно заговорили о Шэнь Хуайчжи. Линь Юэ за время их совместной жизни успел привязаться к мужу, и поскольку это была их первая подобная разлука, в душеросло беспокойство.

— Матушка, а Хуайчжи раньше тоже так поздно возвращался?

Сун Сюньчунь была спокойнее. Она мягко ответила:

— Еще рано. Обычно они возвращаются, когда совсем стемнеет. Сегодня, должно быть, будет так же, не волнуйся.

Шэнь Линчжи положил руку на плечо Линь Юэ и уверенно заявил:

— Не переживай, брат! Скоро он придет. Их там много, да и старший брат мой вон какой крепкий, ничего с ним не случится.

Даже Шэнь Чжэнчу вставил слово утешения:

— Юэ-гер, всё в порядке. В наших краях спокойно, не пугай себя попусту.

Линь Юэ стало и смешно, и неловко одновременно. Он не считал, что волнуется прямо-таки до смерти, но их такое серьезное утешение заставило его смутиться. Он невольно задумался: а не слишком ли мало он уделяет внимания чувствам к Шэнь Хуайчжи?

— Отец, матушка, Линчжи, я понял. Не буду выдумывать всякое.

Смеркалось. Завтра снова нужно было идти в поле, поэтому семья Шэнь нагрела воды, умылась и все разошлись по комнатам.

Сон не шел к Линь Юэ. Он прислонился к изголовью, планируя в уме дела на будущее. Мысль о лотке в городе не давала ему покоя, но он понимал, что нужно выбрать удачный момент и обсудить это с семьей. Нехорошо было бы просто сорваться с места, не посоветовавшись — это могло нарушить домашний лад.

Раньше, когда он жил у родителей, они с Линь Яном ходили в городок без всякого прилавка — просто носили корзины и продавали товар на улицах. В этом году, наверное, придется начать так же, но мечта о своем прилавке жила в его сердце. Если приходить в одно и то же время на одно и то же место, торговля наверняка пойдет лучше.

Погруженный в свои мысли, он не заметил, как время пролетело, пока соседская черная собака не залилась лаем. Линь Юэ встrepенулcя. Хотя других звуков еще не было слышно, интуиция подсказала ему: Шэнь Хуайчжи вернулся.

Линь Юэ набросил верхнюю одежду, в темноте спустился с кровати и зажег светильник. В тот же миг дверь отворилась, и он встретился взглядом с вошедшим Шэнь Хуайчжи.

Невольно Линь Юэ вспомнил их первую брачную ночь — тогда он так же внезапно увидел его. Линь Юэ невольно улыбнулся и спросил:

— Вернулся? В дороге ничего не случилось? Ты ел? Хочешь, я сейчас быстро лапши сварю?

Этот поток вопросов явно обрадовал Шэнь Хуайчжи. Он ответил на каждый:

— Нет, всё хорошо, дорога была спокойной. Я уже поел, не утруждайся.

— Время позднее, ты отдыхай. Я с дороги пыльный, сейчас пойду помоюсь и вернусь.

Шэнь Хуайчжи поставил вещи на стол, но перед тем как выйти, обернулся:

— Если тебе не очень хочется спать, подожди меня немного. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

—

<http://bllate.org/book/17206/1615418>